

К Р О К О Д И Л

К 556/415

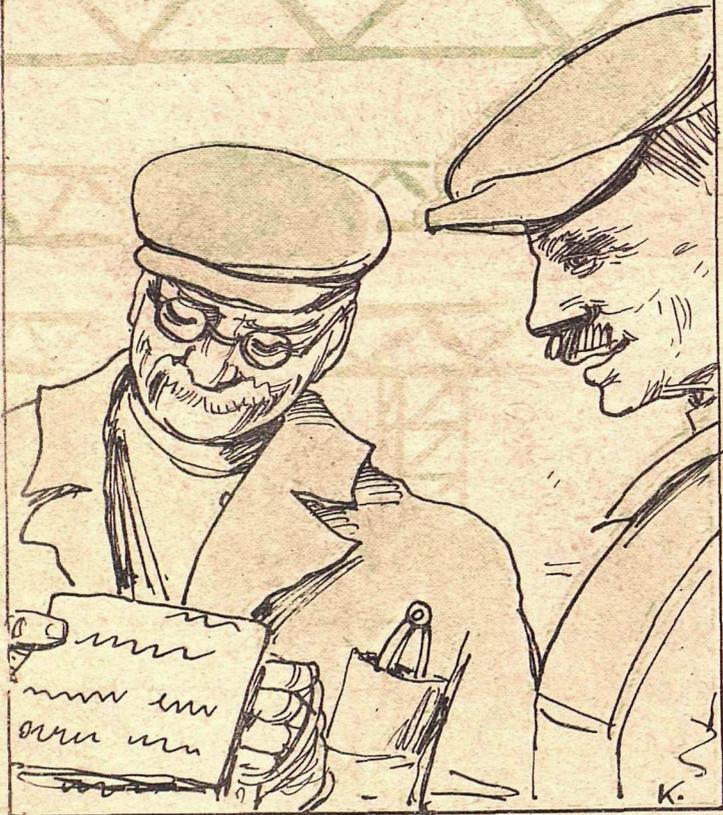

Рис. Ю. Ганфа

Последняя ставка Гитлера будет бита

Рис. А. Каневского

Дорогой отец,
сегодня наше подразделение
умножилось на три
танка больше чем вчера
твой сын.

Весь в отца.

Весь в сына.

Чему никогда не быть и что непременно будет

Чего никогда не видел?
Чтоб зрячего вел слепец.
Чтоб сокола змей обидел.
Чтоб сдался врагу боец.

Чего никогда не слышал?
Чтоб лебедем взвился рак.
Чтоб гусь на охоту вышел.
Чтоб сладил с народом враг.

Чего не бывало сроду?
Чему никогда не стать?
Не быть под ярмом народу.
Не тронуться Волге вспять.

А что непременно будет?
А быть картошке в золе.
А шуке быть на блюде.
А Гитлеру быть в земле!

ИОСИФ УТКИН

Как они лгут

ТЯЖЕЛЫЙ кусок хлеба у берлинских радиолгунов!

Им приходится каждый день сочинять в обязательном порядке несколько небывлиц, чтоб оправдать свое жалкое существование.

А фантазия у этих человечков крохотная, убогая. И все их измышления кажутся нечленораздельным бормотанием беспокойных обитателей сумасшедшего дома.

Наднях они оповестили мир о следующем: за первые 5 лет советской власти в России казнено 88 тысяч старых врачей!

Не больше и не меньше — 88 тысяч.

Судя по официальному отчету министерства внутренних дел за 1916 год, в царской России было всего 19 785 врачей.

Таким образом, выходит, что каждый русский врач был казнен самое меньшее четыре с половиной раза. И лишь после такой проделанной над ним серьезной операции ему позволяли заниматься врачебной практикой...

Фашисты, повидимому, возлагают больше надежд на своих радиолгунов, чем на немецкие войска. Недаром всем платным пропагандистам отдан приказ: трубить по всему миру о победах, которых не было. Победа — она штука капризная, ее можно и не дожидаться. А трубные звуки стоят дешево.

На второй день германо-советской войны берлинское радио, ни капельки не шутя, объявило о... полном уничтожении советской авиации. У русских, мол, не осталось ни одного самолета.

Проходит день — другой. В германских сводках читаем о воздушных боях. Причем фашисты вынуждены — правда, в сильно уменьшенном виде — указывать и на свои собственные потери.

Спрашивается: если вся советская авиация уничтожена, кто же в воздухе сбивает немецкие самолеты?

Не иначе, как галки.

И от них, от галок, что ли, «мессершмидты» катятся кубарем вниз или стремительно улетаются, не принимая боя?

Фашистская брехня стала предметом злого издевательства во всем мире.

Так например крупная американская газета «Нью-Йорк таймс», в статье под заголовком «Русские более тверды, чем Гитлер полагал», иронически замечает: «Однажды Берлин объявил, что русские силы уничтожены, но на следующий день, забыв об этом, Берлин в другом коммюнике сообщил об упорном сопротивлении русских на всех фронтах...»

По сообщениям иностранных источников, «речь Сталина вызвала в берлинских кругах крики бешенства».

Фашисты, опомнившись, мобилизовали все лучшие силы радиолгунов и немедленно оповестили мир, что призыв товарища Сталина не нашел отклика среди украинских и белорусских крестьян, что эти крестьяне проводят бессонные ночи в мечтах о том, как бы поскорей отдать свой хлеб и скот фашистам и стать рабами у немецких помещиков.

Но всю эту музыку вдруг испортило итальянское агентство Стефани, которое заявило с превеликим огорчением:

«Указания, данные Сталиным в его речи, систематически проводятся в жизнь».

А ровно через день берлинское радио начало слезно упрашивать украинских и белорусских крестьян не уничтожать посевы при отступлении частей Красной Армии.

И сейчас германское информационное бюро почти каждый день вынуждено сообщать все новые факты о нападении партизан на немецкие обозы в тылу, о лесных поджогах, об атаках вооруженных партизан («людей в штатском», как пишут фашисты) на отдельные немецкие части.

Это пишут те же самые продажные перья, которые несколько дней назад писали, что речь товарища Сталина не нашла отклика...

Так провалилась еще одна фашистская ложь.

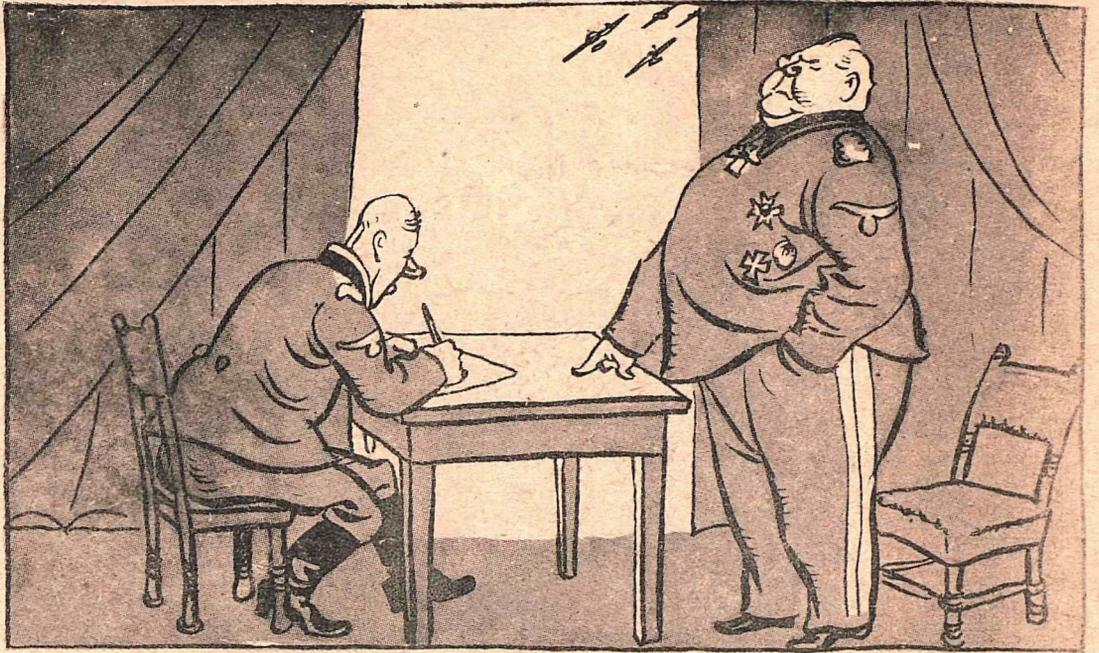
У собаки как-то спросили:

— Чего ты, пес, день-деньской брешь?

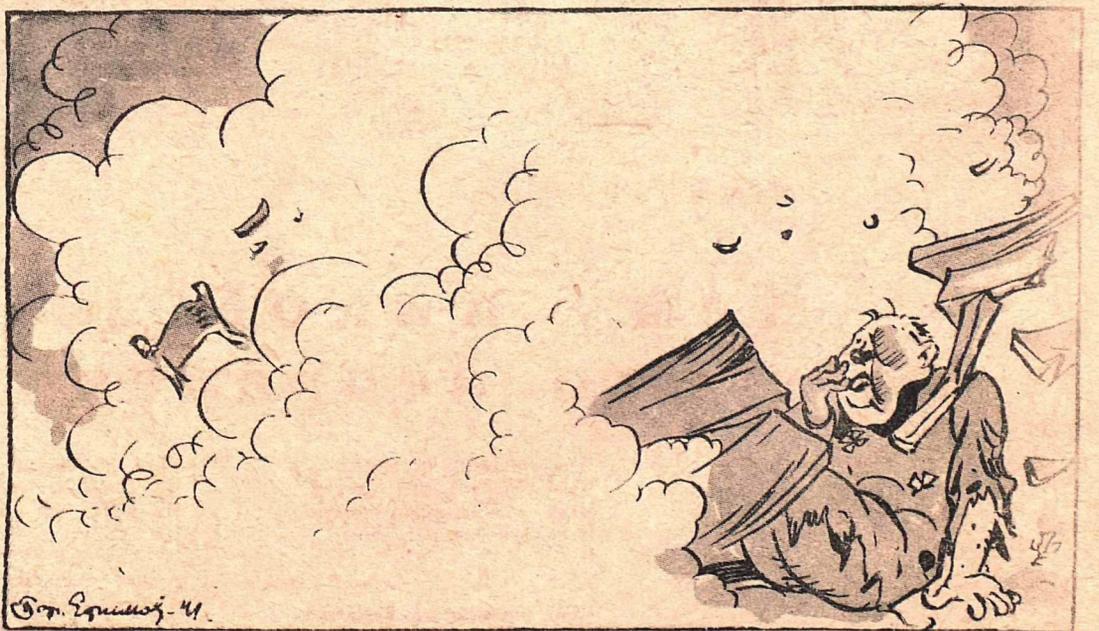
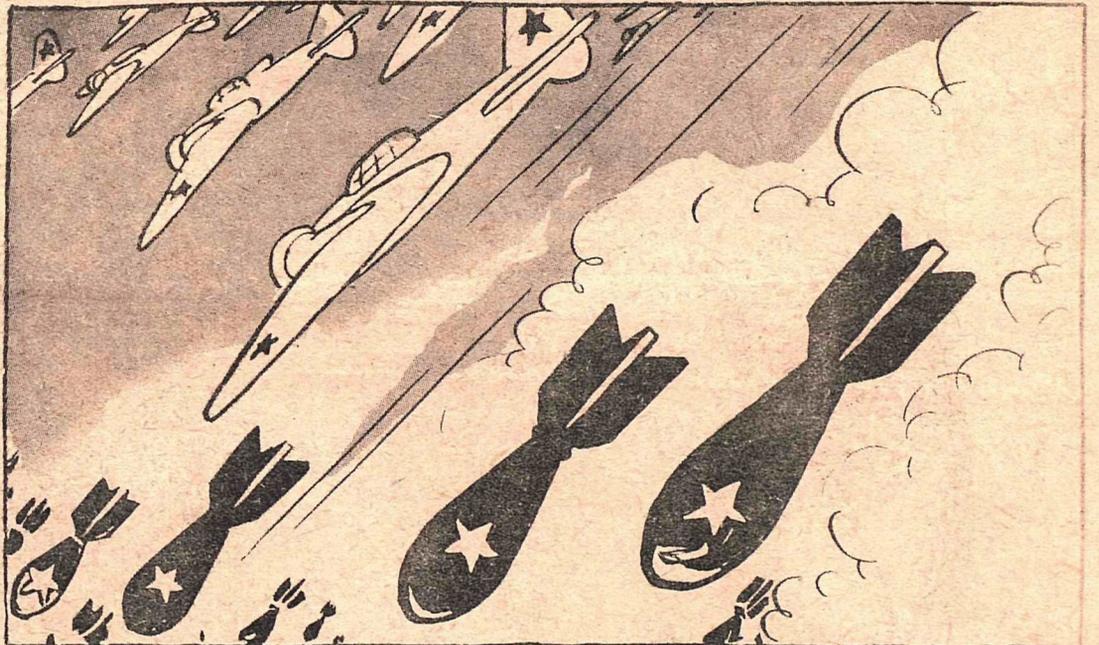
Пес, ничуть не краснея, ответил:

— Служба такая.

Г. РЫКЛИН

— Значит, пишите так: советская авиация полностью уничтожена нашими доблест...

— Да, так на чем, бишь, мы остановились? Никак не могу вспомнить

Рис. Н. Лука

— Удивительная вещь, майор! Мы бомбили Севастополь, а загорелась Констанца.

Чтоб колос ни один потери не был,
Работать будем, не жалея сил,
Чтоб воин вдоволь был накормлен хлебом,
А враг в бою свинцом накормлен был.

Помни, кто болтать всегда привык,
Помни, передатчик всяких слухов:
Все, что наболтает твой язык,
Жадно ловит вражеское ухо.

БОРЬБА С САРАНЧЕЙ

Рис. Евгана

— Мы на своем участке снимаем с га по два фашистских парашютиста.

Рис. Л. Соифергуса

— Безобразие! Ваш генерал с
— Прошу извинения, ваше ве
голову, но и корпус!

Урок и

Победной нашей были
Врагам не позабыть.
Мы псов германских били,
Мы бьем и будем бить!

Шли рыцарские клики,
Полки немецких псов.
И шум стоял великий:
— Германским будет Псков!
Ударили ребяти
На озере Чудском —
И засверкали пятки,
И немцы — кувырком!
Свиньей они вопили,
Как стали их топить.
Мы псов германских били,
Мы бьем и будем бить!

Затем воссел на троне
Король немецкий Фриц.
Задумал пес в короне
Повергнуть русских ниц.
Но вот какое дело:
Пришелся комом блин:

Войти в Мо
Ан — мы во
Ключи мы
(Как звать,
Мы псов не
Мы бьем и

В четырнад
Пробил нед
Герр кайзер
Пошел войн
Коль воеват
Посмотрим,
Крошила их
Громил Бал
И запил с
Еще бы не
Мы псов ге
Мы бьем и

Советской У
Вильгельм
— Нах ост

1 На Востоке

Финка — излюбленное оружие бандита

В БЕЛЬГИИ

Рис. Д. Дубинского

Население встречает наши войска цветами.

(Из германских газет)

совсем потерял голову!
совершеннейшее! Не только

История

...хотел он,
...шли в Берлин.
...сохранили
...что может быть!...
...мечих били,
...будем бить!

...датом было,
...обрый час.
...полный пыла,
...ой на нас.
...охота,
...ья возьмет!
...пехота,
...гийский флот.
...гора Вилли,
...запить!..
...ерманских били,
...будем бить.

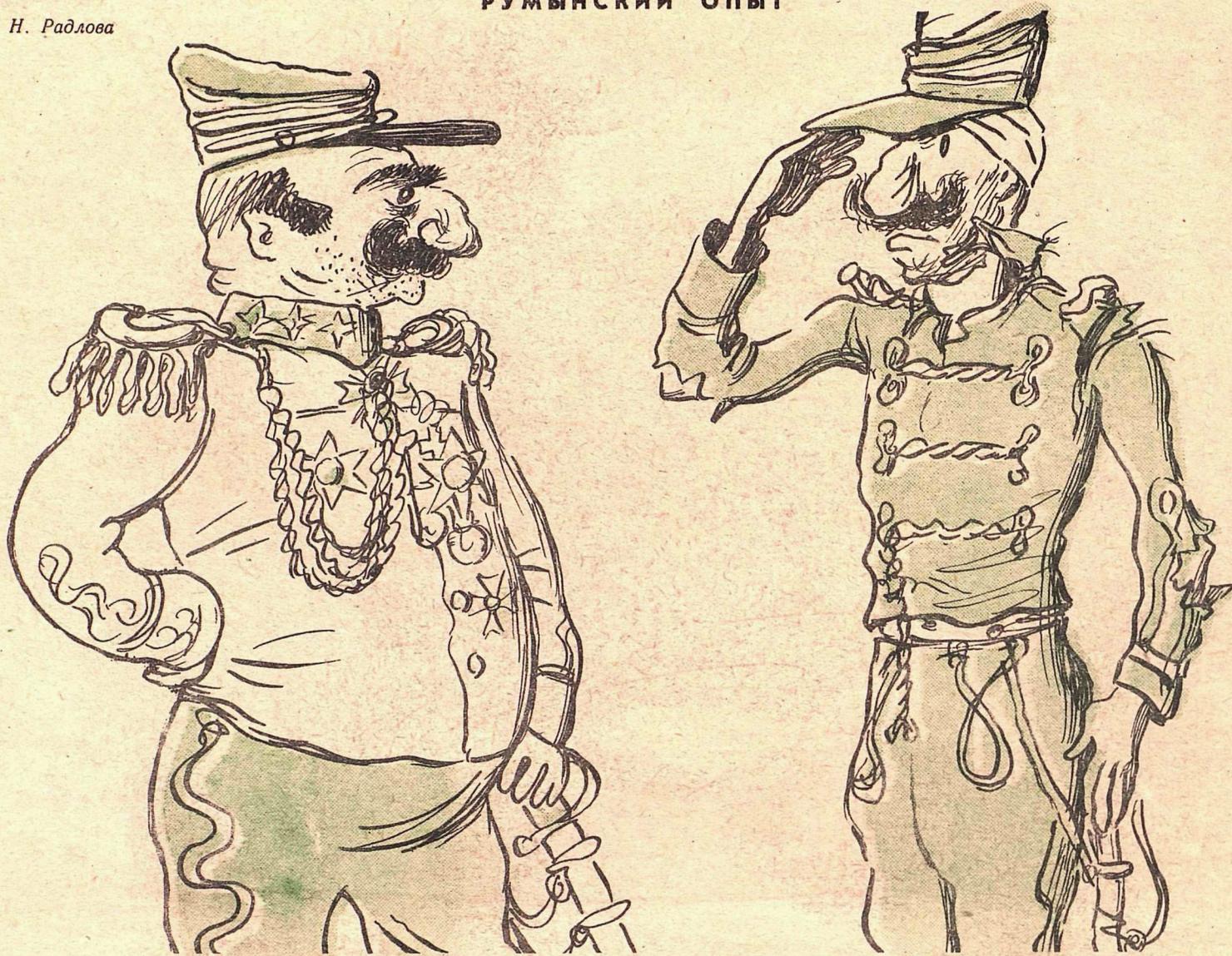
...краине
...розил ярмом.
...! Полки мы двинем

За салом и зерном!..
Гостям от старожиллов
Мы поднесли хлеб-соль, —
Косил их Ворошилов:
— Покушай-ка изволь!
На лбу им зарубили,
Как хлеб чужой любить...
Мы псов германских били,
Мы бьем и будем бить!

Истории примеры
Фашистам ни почем.
Взбесились изуверы —
Опять идут с мечом.
Мы знаем, враг упорен,
Упорней мы вдвойне.
Мы силами поспорим
И победим в войне.
Мы помним, не забыли,
Как нам с врагами быть:
Мы псов германских били,
Мы бьем и будем бить!

В. ГРАНОВ,
ИВ. ПРУТКОВ.

Рис. Н. Радлова

— Какое впечатление вы вынесли от встречи с советской кавалерией?

— Не могу знать, господин полковник! Мы не оглядывались.

Н О В Ы Й П О Р Я Д О К

— Фюрер у себя? — спросил Риббентроп, бодро входя в приемную новой имперской канцелярии.

— У себя, — ответил адъютант.

Министр строго посмотрел в зеркало и поправил коричневый галстук. Потом осторожно спросил:

— В каком настроении?

— Как вам сказать... — замялся адъютант, — тут как раз перед вами ему подали последнюю победную сводку с восточного фронта...

— Ай-яй-яй! Я же вас просил не давать ему победных сводок перед моим приходом. Вот я бы ушел, тогда и дали бы.

— Никак невозможно. Просит. Каждую минуту звонит и спрашивает: «Нет ли сводочки?» Жалко. Как-никак фюрер.

— Эх вы! Теперь целый час придется его успокаивать!

Риббентроп обдернул пиджачок светлого-розового цвета и, кашлянув, открыл дверь.

— Гайль Гитлер! — сказал он входя.

— Гайль Гитлер! — вяло отозвался Гитлер из-за письменного стола.

Риббентроп сел на кончик стула.

В новой имперской канцелярии наступила гнетущая пауза.

«Ну, как дела?» — хотел спросить Риббентроп, но, поглядев на кислую физиономию фюрера, пробормотал:

— Погодка сегодня...

— Что?

— Я говорю хорошая погода. Всюду, знаете, солнышко. Птички. Счастливые немецкие лица.

— Неужели счастливые? — оживился Гитлер.

— Вы даже не можете себе представить, до чего счастливые. Прямо скажу: народ очень доволен войной. И за все благодарит вас.

— Ну?

— А ей богу! Народ так прямо и говорит: если б, говорит, не Гитлер, не было б у нас войны.

— Серьезно?

— Честное слово. Сам слышал. Очень всем нравится война. Один немец даже сказал: «Этой войне и конца не видно». Значит, правится. И вообще все очень довольны. Особенно в оккупированных странах.

— А эти дураки почему довольны?

— Так. Просто довольны, и все. Я даже, откровенно говоря, сам не знаю, почему. Дикари! Все нам отдают. Ничего для нас не жалеют. Даже собственной жизни. Одна бельгийская женщина так и сказала: «Вы убили моего мужа, убейте и меня». Сама просила. Ей богу!

— Ну, и что?

— Удовлетворили ходатайство.

— Правильно, — сказал фюрер назидательно. — Просьбы населения надо удовлетворять.

— И потом в оккупированных странах наблюдается большое уважение к нашим офицерам.

— А! Приятно слышать.

— Во Франции, если наш офицер входит в кафе, все французы сейчас же выходят. Чувствуют, подлецы, свое низкое происхождение. Ну, мы решили тогда сделать для них по-

блажку и запретили им уходить в течение получаса после прихода нашего офицера. Так ведь вы знаете, что они сделали? Как только входит офицер, все посетители кафе вынимают часы и смотрят на циферблат. Как только кончатся полчаса, они сейчас же уходят. Не решаются оставаться в присутствии представителя высшей расы.

— Все-таки вежливые, черти! — восхищенно воскликнул фюрер. — Им в этом нельзя отказать.

— А сербы, те прямо не знают, как нас благодарить. Недавно в одном сербском городке публика буквально задушила одного нашего офицера в объятиях.

— Что вы говорите?

— Факт! И еще сказала, что если б приехал Гитлер, она бы встретила его еще более бурно.

— Смотрите, пожалуйста! А я, признаться, сербов и за людей не считал! Все-таки начинают кое-что понимать.

Фюрер потер руки и залился радостным смехом.

— Главное сделано, — сказал он, — новый порядок в Европе установлен. Остаются пустяки: победить Россию, Англию и эту самую... как ее... Америку. И тогда...

В дверь постучались. Вошел адъютант.

— Новая сводка с восточного фронта, — сказал он печально.

И в новой имперской канцелярии снова наступила гнетущая тишина.

ИНОСТРАНЕЦ ФЕДОРОВ

Брошены в бой новые румынские части.

С О Ю З Н И Ч К И

ЛЕЙТЕНАНТ Шмерке сидел, развалился, в штабной палатке и курил длинную вонючую сигару.

Перед ним — руки по швам! — стоял толстый румынский полковник, весь потный, как ломовой конь, и почтительно слушал нравочения лейтенанта.

— Ваши грязные оборванцы, — цедил сквозь зубы лейтенант, — так же похожи на солдат, как вы, полковник, на балерину.

— И почему они такие, — ума не приложу! — удивился полковник. — Обмундирование им выдали почти новое, всего лишь пятого года носки.

— Ваша шваль разбежится при первом выстреле!

— Напрасно обижаете, господин лейтенант. Румынский солдат беден, но храбр, как лев. Ведь он знает, за что сражается. Хотите, вызовем сюда любого солдата моего полка и поговорим с ним по душам? Вы сами увидите, что это за материал!..

Через пять минут перед офицерами стоял рядовой Лупеску и, бледнее от страха, ожидал вопросов и приказаний.

— Не дрожи так, дурашка, — ласково сказал

полковник. — Я пока не собираюсь тебя бить. Скажи нам, чего ты больше всего желаешь? Рядовой Лупеску молчал.

— Ну! Говори смело, Лупеску, не бойся. Откровенно! По-солдатски! Чего ты больше всего желаешь?

— Кушать, господин полковник! — сказал рядовой Лупеску.

— Грязная свинья! — зарычал полковник. — Ты должен говорить: победы. Понял?

— П... по-нял, господин полковник. Я забыл сразу!

— То-то! Говори, за что мы воюем?

— За эту... ци-ци... цивиль... цивилизацию!

— Молодец, Лупеску! Отойти немного, от тебя плохо пахнет. О чем ты думаешь днем и ночью? Отвечай! Ну! Опять забыл? О великой Румы... Ну!

— Никак нет, господин полковник. Я думаю о буром кабанчике. Жена пишет, что его, наверное, заберут для прокорма этих проклятых нем... наших доблестных союзников!

— Отшлите его, — спокойно сказал лейтенант Шмерке полковнику, — потом мы его расстреляем.

Когда рядовой Лупеску ушел, лейтенант Шмерке потушил окурки сигары и решительно поднялся.

— Все ясно, полковник. Перед наступлением дадите вашей сволочи водку. И предупредите их, что наши пулеметчики идут сзади. Потом скажите им, что у русских нет боеприпасов и они стреляют холостыми, иначе ваши львы все равно не пойдут. Сами пойдете с первым эшелоном.

— Господин лейтенант, позвольте я лучше буду с вами.

— Молчать! Румынский офицер должен быть храбрым, как два льва. Идите!

...Под утро толстого полковника привезли в полевой лазарет и положили животом вниз на операционный стол.

Приступая к операции, румынский хирург сказал:

— Странно. Было наступление, а у всех наших храбрых офицеров раны сзади... Не видите так, полковник, я не могу работать!

А рядовой Лупеску хлебал добрый красноармейский борщ и был счастлив.

Первый раз за всю свою голодную жизнь он наелся досыта — в советском плену.

Леонид ЛЕНЧ

Пер:
в рп
19/VI
Сдел
в архив
19/VI
21/VI

Остановка по требованию

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. „Правды“, 24; тел. Д 3-32-50; Д 3-33-47. Прием ежедн. с 3 до 7 часов. Подписная цена на журнал — 1 р. 60 к. в месяц. Изд-во „Правда“

Рукописи не возвращаются

А 39876. Москва, Изд. № 748.

Подписано к печати 12/VII 1941 г.

Статформат 72×105 см.

Печ. л. 1. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000

Типография газ. „Правда“ имени Сталина, Москва, ул. „Правды“, 24. Заказ № 2215. Тираж 271 000 экз.

AB